

Геннадий МАЙОРОВ

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ НЕ СЧИТАТЬ

Работая в отделе военно-патриотического воспитания газеты «Орловский комсомолец», я несколько лет тому назад встретился с Галиной Владиславовной Малюченко, которая создала первый в стране музей авиаполка «Нормандия — Неман». В течение долгого времени ходила она с ребятами по местам боев на территории Орловщины и восстанавливала имена погибших в годы войны летчиков.

В маленьком помещении на улице Фомина в Орле мы долго рассматривали с ней экспонаты музея, ворошили огромный архив, собранный за двадцать с лишним лет поисковой работы. Взгляд остановился на портрете первого командира «Нормандии» Жана Тюляна. Место его гибели было установлено следопытами. Найдены были и останки еще двух французских летчиков.

Помнится, взволновала меня фраза, сказанная ею на прощанье:

— Летчик считается не вернувшимся с задания до тех пор, пока не установлено место его гибели, пока не найдены его останки и обломки машины.

«Летчик, не вернувшийся с задания...» Это значит, что где-то до сих пор нахо-

дится безымянное место гибели пилота, неизвестно имя воздушного героя минувшей войны, занесенное в списки пропавших без вести.

Было решено начать поиск погибших на территории Орловской области самолетов. Но сразу же встал вопрос: с чего начать? Ведь для нас, журналистов, заинтересовавшихся раскопками, в этом деле все было новым, незнакомым. И все же мы объявили операцию «Самолет», решили начать поиск своими силами. На первом же заседании только что организованного при редакции штаба определили круг задач, наметили сроки. Подобрали инициативную группу из молодых производственников Орла, которую возглавил Николай Минашкин.

А до объявленной нами через газету операции «Самолет» поисковую работу вели юные следопыты под руководством Г. В. Малюченко.

Началась она много лет тому назад.

Кружковцы областной детско-экскурсионной станции, которая теперь называется станцией юных туристов, после просмотра только что вышедшего на экраны фильма «Нормандия — Неман» по дороге домой горячо обсуждали его. Кто-то вспомнил эпизод гибели французского летчика, кто-то сказал, что «Нормандия» воевала и в орловском небе. Так, поначалу стихийно, родилась идея создать группу следопытов для поиска места гибели французского летчика на территории области. Галина Владиславовна Малюченко не спешила развивать идею: а вдруг ребята быстро остынут, охладеют к поиску, столкнувшись с первыми трудностями? Решила возобновить разговор утром. А сама подошла к книжной полке. Полистала мемуары военных летчиков, раскрыла энциклопедию. Так и засиделась до позднего вечера, не замечая, как на столе выросла гора заинтересовавшей ее литературы. Раскрыла тетрадь, заноса в нее цифры, цитаты, фамилии...

На следующий день разговор о просмотренном фильме возобновился. Со всех сторон посыпались предложения, завязались споры. Наконец сошлись на том, что начать надо со сбора материалов о боевом пути авиаполка «Нормандия — Неман».

...Так получилось, что одно из писем следопытов в самом начале их переписки с разными учреждениями попало к А. П. Маресьеву в Советский комитет ветеранов войны, а он передал его С. Д. Агавельяну — бывшему старшему инженеру авиаполка «Нормандия — Неман». Сергей Давыдович откликнулся на просьбу орловских школьников и прислал им письмо, а вернее, дневник боевых действий «Нормандии» за период боев на Орловщине и историческую справку с характеристикой каждого из погибших летчиков. Указал также время их последних вылетов.

Вскоре следопыты отправились в походы по предполагаемым местам гибели самолетов. Разбухали тетради с записями воспоминаний очевидцев, постепенно сужался круг поисков.

Рассказывает Г. В. Малюченко:

— Один из наших кружковцев, Гена Мельников, прибежал однажды ко мне и говорит: «Галина Владиславовна, моя бабушка рассказывает, что хоронила французского летчика». Мы отправились к ней узнать подробности. Из ее рассказа следовало, что над деревней Каменка Мценского района во время войны был сбит самолет. Фашисты подъехали к горящим обломкам раньше, чем добежали сюда местные жители. Один из гитлеровцев, го-

воривший по-русски, сказал, что летчик — француз. Тогда женщины стали просить разрешения похоронить его. Гитлеровцы то-ропились, отступали, им, видимо, было все равно. Поэтому они особенно не препятствовали желанию жителей предать останки летчика земле...

Следопыты выехали в Каменку. К этому времени С. Д. Агавельян прислал еще одно письмо с инструкциями, как вести поиск, как определять тип самолета.

Место захоронения нашли довольно быстро. Земля сохранила для ребят и детали полусгоревшего самолета. Вечером у костра стали промывать металл и тут заметили на одном из обломков выбитый номер. По этому номеру впоследствии удалось установить, что он обозначал серию самолетов, выпущенных специально для «Нормандии — Неман».

Затем поиск приостановился. Три года у следопытов ушло на то, чтобы доказать необходимость раскопок. Не все, к сожалению, считали, что деятельность ребят заслуживает внимания. Пока шли дебаты, следопыты своими силами соорудили фанерный памятник с надписью: «Здесь похоронен неизвестный французский летчик из «Нормандии — Неман». Верили: придет время, и эту табличку можно будет заменить, указать подлинное имя пилота.

В 1963 году группа Малюченко получила приглашение от Советского комитета ветеранов войны на торжества по случаю 20-летия авиаполка «Нормандия — Неман». В Москве на встрече А. П. Маресьев спросил: «Какая вам нужна помощь?»

Через три месяца в Орел приехала большая экспертная комиссия. С нетерпением ждали ребята результатов. Оказалось, что в Каменке покоились останки первого командира французского авиаполка Жана Тюляна.

Удача окрылила. Полетели запросы во все сельсоветы многих районов области с просьбой расспросить местных жителей о боях того времени, о гибели советских самолетов.

Двадцать лет назад, когда в селе Вязовое воздвигли памятник советским солдатам, на педсовете школы решили установить имена погибших в годы минувшей войны на территории хозяйства. В военкомате взяли списки, выяснили номера частей, сражавшихся под Вязовом, фамилии командиров. А затем написали более 200 писем по предполагаемым адресам родственникам, в архивы.

Преподаватель математики, руководитель кружка красных следопытов Вязовской средней школы Вера Ильинична Гришина показывает кипу альбомов, тетрадей, подшивок писем и официальных документов. В маленькой комнате, кажется, тесно от тех реликвий, что каждый год кропотливо собирают местные пионеры. Об этом школьном музее можно рассказывать долго. Но наш разговор с Верой Ильиничной постепенно приближается к главной теме моей командировки.

— Самолетами мы интересовались пять-шесть лет назад, — говорит она негромко, словно боясь потревожить тишину класса. — Во время наступательных боев в 1943 году над нашим селом был сбит самолет. Очевидцы рассказывали, что летчик выпрыгнул с парашютом, но зацепился за хвостовое оперение и вместе с горящей машиной упал на землю. Люди сразу же подбежали к самолету, оттащили бездыханное тело подальше от

огня. Вынули из гимнастерки документы. По рядам прошел шепоток: «Мальцев... Мальцев». Похоронили летчика в огороде у И. В. Гвоздева. А когда в совхоз приехал брат героя, получивший извещение, останки пилота перезахоронили. К тому времени у нас накопилось немало сведений о том, что на территории хозяйства в годы войны погибло несколько летчиков. Вязовские следопыты знали, как суровы законы войны. Летчик считается без вести пропавшим до тех пор, пока не будут найдены его останки. А это значит, что подвиги не обнародованы, матери же до сих пор ничего не знают о судьбе своих сыновей.

Это правда, что деревья, взрослая и набираясь сил, выдавливают из своего тела застрявшие в годы войны пули и осколки.

Уже второе послевоенное поколение живет и трудится под мирным небом. Уже внуки солдат Великой Отечественной прокладывают первую борозду на обновленном поле. Но нет-нет да и случается им встретиться с наследием войны. Вдруг расступится под плугом земля и оголит искореженные куски металла.

Рассказывает В. И. Гришина:

— В сентябре 1978 года наш тракторист, распахивая поле, случайно задел обломки самолета, а студенты сельхозинститута его выкопали. Останки летчика мы захоронили в братской могиле, но лишь следующим летом сумели перенести в школьный музей детали самолета. Это была наша первая крупная удача. Мы написали запрос в Министерство аэрокосмической промышленности.

И вот приехал специалист из Уфы Н. Рева, который 10 июня 1980 года дал такое заключение:

«1. Обнаружено: пистолет ТТ-2, принадлежавший летчику, за номером ВВ-4032.

2. Мотор № 6503151 звездообразный, двухрядный, 14-цилиндровый. Следовательно, его тип — АШ-82, который применялся на самолетах Ла-5 и Ла-7.

3. Винт трехлопастный с наличием двух клейм — «П1764», «41315637» и эмблемой «80».

4. Удалось на стойках шасси обнаружить клейма «ЗВ590» и в ромбе 119/22 — на одной и «З5992» — на другой.

Полагаю, что для поиска фамилии погибшего летчика имеются два пути:

1. По номеру пистолета ТТ-2.

2. По номерам деталей самолета Ла-5 (Ла-7)».

Казалось, следопытов ждет удача.

Действительно, располагая даже такими сведениями, возможно установить фамилию воздушного бойца. Но отсутствие опыта у вязовских школьников и помощи со стороны райвоенкомата сказались.

Потом был у нас, конечно, горячий разговор и в Болховском райкоме ВЛКСМ, где еще раз заострялся вопрос о том, что установить имя героя — дело чести не только вязовских следопытов, но и всего района. Тем более что сейчас в стране проходит объявленная ЦК ВЛКСМ Всесоюзная экспедиция «Летопись Великой Отечественной», цель которой — дописать неизвестные страницы истории, увековечить подвиги советских солдат, воспитывать молодежь на славных традициях старшего поколения.

Во время второго нашего визита в Вязовскую школу В. И. Гришина сказала:

— У нас есть еще одна загадка. В селе Бетово покоится в земле самолет, который мы пока не можем откопать. Можно доехать и посмотреть...

...Машина останавливается на пригорке, и мы спускаемся в небольшую луговину, к мелководной речушке. «Вот здесь», — жест рукой в сторону ямы, заполненной водой.

Местные жители вспоминают, что не единожды приезжали сюда пионеры и студенты. Как только не пытались достать самолет, но тщетно.

Было как-то неловко стоять возле залитой водой воронки и сознавать свое бессилие. Экскаватор бы сюда или бульдозер...

Когда мы с Верой Ильиничной зашли в школьный музей, я взял в руки книгу отзывов, которая ведется в школе с мая 1966 года. Пролистал несколько страниц и увидел запись:

«Дорогие ученики Вязовской школы! Желаю вам самого большого счастья! Перед вами открывается огромная и бесконечная дорога в чудесный мир будущего. Навсегда сохраните тот трепет, то горение сердца, с которым вы ведете поиск погибших воинов. И теплота ваша всегда будет жива в памяти тех, кто хоть раз встретился с вами. Земной вам поклон, А. А. Рубб».

— Это написал человек, который тоже значился погибшим здесь, на Орловщине, в сорок третьем, — пояснила Вера Ильинична. — Встреча с ним у нас была волнующей...

Подумалось: пусть слова ветерана станут для вязовских следопытов девизом в их благородной деятельности. Мы же пожелали им удачи, а для себя решили: надо помочь школьникам в раскопках самолета. Была осень 1981 года. Так началась областная операция «Самолет», организованная газетой «Орловский комсомолец».

Цель нашей операции вначале определялась довольно просто: изучив опыт предшествовавших раскопок самолетов, обобщить его и дать рекомендации следопытам по правильному ведению поиска. Потом мы обратились к читателям старшего поколения с просьбой вспомнить и рассказать о воздушных боях на территории области, с тем чтобы составить карту-схему предполагаемых мест падения самолетов. При редакции газеты решили создать инициативную группу поиска, которая бы производила разведку на местности и помогала местным следопытам вести раскопки.

Через неделю в редакционной почте появились первые конверты с припиской: «Операция «Самолет». Люди писали и звонили, сообщали невероятно интересные факты.

Однажды утром в нашей редакции раздался телефонный звонок:

— Здравствуйте! Прочел в «Орловском комсомольце» материал под рубрикой «Операция «Самолет», в котором вы рассказываете о поиске летчиков Великой Отечественной и, в частности, из авиаэскадрильи «Нормандия — Неман». Хочу поделиться своими воспоминаниями...

Знакомимся. Николай Данилович Токарев — водитель троллейбуса третьего маршрута города Орла. До войны жил в Верховском районе, в деревне Елагино. И далее продолжение расска-

за: «Мы с ребятами пошли собирать грибы. Было это в сорок втором. Вдруг услышали шум воздушного боя, а потом увидели, как наш самолет, объятый пламенем, пошел к земле. Врезался он в склон оврага Голенище. Мы, конечно, разбежались, а на следующий день старшие ребята пошли посмотреть, интересно все же. Но машина ушла глубоко в почву, и раскопки ничего не дали, если не считать отвалившихся на поверхности земли крыльев.

В то грозное время не до поиска нам было, и постепенно случай забылся. И вот теперь, прочитав статью, я вспомнил об этом. Вряд ли раскопки велись на этом месте после войны, хотя место гибели самолета легко можно обнаружить и, наверное, можно попробовать копать. В Елагине остались очевидцы того боя, может быть, они дополнят мой рассказ...»

Мы не успели еще как следует обсудить этот телефонный рассказ, как в дверь кабинета постучались.

— Я — Скляр, Владимир Георгиевич. По поводу объявленной вами операции «Самолет». Так вот... В Глазуновском районе, на хуторе Дружевец (колхоз «Заря»), в болото упал самолет. Его поднимали в пятидесятых годах, нашли останки летчика и документы на имя Константина Дмитриевича Журбаева (или Джурбаева, точно не помню). Документы отдали ныне покойному председателю сельсовета Ф. Б. Смолякову. Велся ли поиск родных погибшего, не знаю. Могу добавить, что доставал самолет тракторист хозяйства Н. В. Кононов. Видимо, он может более подробно рассказать об этой истории.

Так в нашей картотеке появились адреса мест гибели двух самолетов, о судьбе которых пока ничего не было известно. Мы пометили себе: если по сообщению Н. Д. Токарева верховским следопытам произвести опрос местных жителей и определить характер поиска, то комсомольцам колхоза «Заря» Глазуновского района предстоит более детально изучить факт производимых ранее раскопок и установить дальнейшую судьбу документов летчика.

Штаб операции «Самолет», давая задание красным следопытам, подчеркнул необходимость детальной и тщательной подготовительной работы.

С каждым днем пополнялась наша картотека.

Вот строки из писем:

«Я — житель поселка Отрада Мценского района Прокошин Алексей Лаврентьевич. Я раньше жил в деревне Rogozino Хуторского сельсовета Болховского района.

Прочитал в «Орловском комсомольце» материал о поиске самолетов времен войны и решил откликнуться. В деревне Rogozino на берегу реки Машок, где была мельница, упал самолет и ушел в землю. Больше никаких сведений не имею».

«Возможно, кто-то заинтересуется моим письмом, — написал в редакцию Владимир Михайлович Лобоцкий из поселка Ново-Лошаковского сельсовета Орловского района. — Рядом с Киреевской школой находится место гибели нашего истребителя времен Великой Отечественной войны. Летчик захоронен рядом. Старожилы могли бы помочь установить дату гибели, указать место захоронения.

Второй истребитель был сбит зенитным огнем 4 августа 1943 года у деревни Образцово. Летчик выпрыгнул с парашютом, отстреливался от немцев. Найти место падения самолета в данный момент поможет лишь специальный прибор, имеющийся у саперов. В землю вошел только мотор, а оперение разлетелось в стороны. Помогите установить имена погибших героев!»

По всему было видно, что операция «Самолет» не оставила равнодушными многих жителей Орловщины.

...На карте области, что висит на стене отдела военно-патриотического воспитания газеты «Орловский комсомолец», появилось несколько красных флажков. Ими отмечены предполагаемые места гибели наших самолетов в годы минувшей войны. Карта эта у нас на виду.

Она напоминает о ходе операции «Самолет». Флажков на карте появляется все больше и больше, так как письма с новыми адресами продолжают поступать в редакцию. Но верим: настает день, когда исчезнут флажки с нашей карты, а вместо них уже на реальной географической местности будут воздвигнуты обелиски летчикам-героям и их имена станут известны новому поколению комсомольцев. Потому что ради этого и объявили мы операцию «Самолет».

...Заканчивался 1981 год. Заканчивалась и наша подготовительная работа. Впереди предстояли раскопки.

Новый, 1982 год начался с детальной работы над почтой. Надо сказать, что зимой читатели «молодежки» активизировались и буквально засыпали редакцию письмами. Публикуя для красных следопытов адреса предполагаемых мест гибели самолетов, мы большее внимание стали уделять и материалам, рассказывающим о том, как в том или ином районе области пионеры и комсомольцы установили имена погибших летчиков. Такие повествования, по мнению членов областного штаба операции «Самолет», должны были помочь начинающим следопытам. Как-никак опыт предшественников в раскопках и в работе над архивными документами — великое дело, он сокращает время поиска, учит избегать ошибок. Этот опыт помогал и областному штабу готовиться к раскопкам в деревне Бетово Болховского района.

Помню, на первое заседание штаба операции «Самолет», которое состоялось осенью 1981 года, пришел среднего роста парень. Сказал: «Прочел вашу статью о поисках на территории Орловщины погибших в годы войны самолетов и заинтересовался раскопками. Могу помочь...»

Так мы познакомились с Николаем Минашкиным. Он буквально рвался в «бой», но обстоятельства складывались так, что раскопки первого самолета в деревне Бетово Болховского района (где предположительно погиб французский летчик из «Нормандии — Неман» А. Бернавон) откладывались. Но однажды Николай вновь зашел в редакцию и предложил: «Давайте попробуем копать сейчас, пока земля еще полностью не оттаяла». Он собрал еще четверых энтузиастов: Александра Баева, Александра Герасимова, Ирину Тарасову и Галину Кондратьеву — и вылетел в Болховский район.

С нетерпением мы ждали их возвращения, чтобы услышать рассказ о первом маршруте операции «Самолет». И вот Николай Минашкин появился со свертком, в котором были детали самолета. А рассказал он вот что:

— Нас очень тепло встретили в Вязовской средней школе. Хочу заметить, что и директор А. Ф. Фролов, и руководитель красных следопытов В. И. Гришина — люди увлеченные, много сил, знаний, энергии отдают работе с детьми. Нам выделили комнату. Наши девчата занялись хозяйственными хлопотами, а ребята вместе с Верой Ильиничной Гришиной поспешили к директору совхоза. Руководителя хозяйства не застали на месте, зашли к парторгу. Объяснили цель визита, высказали просьбу выделить нам трактор «Беларусь». Ответ неутешителен — на тракторе вышел из строя гидронасос. Что ж, причина объективная. Но, может быть, у соседей есть техника, подскажете? Уходит драгоценное время, а вопрос остается открытым. Позвонили в соседний колхоз «Заветы Ленина». Председатель ответил отказом. Ну что ж, принялись за дело вручную. Хотя было ясно, насколько осложнится работа без техники.

По описанию в газете и рассказам местных жителей уточнили место раскопок. Сняли слой снега. Внизу лед. Начали ломками вгрызаться в промерзшую землю. Первые сантиметры давались нелегко. Лед крошился. Сменяя друг друга, продолжали углублять шурф.

Углубились сантиметров на 70—80. Но тут село солнце, начало морозить. Бегом бежим в школу, ноги мокрые, да и сами тоже. Когда работали, этого не замечали — было жарко.

Начало второго дня было многообещающим. Но сначала увидели такую картину: в яме вода. Откуда? Вычерпываем воду ведрами и банкой, всего около 300 литров. А в десять часов Вера Ильинична привела ребят-десятиклассников. Разбились на бригады и повели работы сразу на трех шурфах. В том углублении, что было ближе к реке, за отметкой одного метра извлекли первую находку — трубу бензопровода.

На отметке полтора метра появился так называемый пливун. Замешкались, появилось сомнение: а стоит ли дальше копать? Но двух мнений быть не могло: надо продолжать раскопки. Эх, экскаватор бы сюда!

Школьники после обеда ушли. Мы были благодарны им за те пять часов бесперебойной работы. Они помогли нам отыскать первые обломки самолета и сделать правильный вывод о более точном месте раскопок. Вера Ильинична осталась с нами.

Прошло еще немного времени, как в третьем шурфе при прощупывании грунта лом ударился обо что-то металлическое, массивное. Но лопатой докопаться уже невозможно. Ноги вязнут, приходится подкладывать доски. Вычерпываем воду, ведер 20—25, замеряем глубину. Почти без изменений. Пливун не дает возможности отвоевать у земли даже десяток сантиметров. Раскопки решили отложить до лета.

Находки следопытов из группы Н. Минашкина мы показали бывшему летчику-истребителю, полковнику в отставке В. А. Шапочке. Он подтвердил, что это детали от советского самолета (Як или Ла), но точнее можно будет определить тип машины при наличии более существенных деталей. В специальном журнале-дневнике

записываем: «Обшивка с плоскостей, «фонаря» и другие реликвии пока хранятся в штабе операции «Самолет».

И вот мы снова в орловском музее «Нормандия — Неман». Стало доброй традицией собираться здесь в гостях у добродушной Галины Владиславовны Малюченко перед большим и важным делом. Сегодня особый повод, и мы его еще не знаем. Предполагаем, что разговор пойдет о летних раскопках в деревне Бетово. Но Галина Владиславовна долго молчит. И мы начинаем догадываться, что этот традиционный сбор членов поисковой группы перед походом вызван не только необходимостью уточнить детали экспедиции.

Она начинает издали, как бы еще раз проверяя готовность своих воспитанников к серьезному мероприятию:

— Прежде всего нужно твердо знать, что главная задача, стоящая перед следопытами, — установить фамилии летчиков, примерную дату и время гибели самолета, вид самолета, точно определить место его нахождения.

Только после того, как собраны все сведения и установлено, что летчик не спасся на парашюте, а остался в машине, можно готовиться к раскопкам, о чем обязательно необходимо поставить в известность местные партийные и советские органы, а также райвоенкомат. Если известно, что в земле лежит бомбардировщик или штурмовик, то раскопки возможны только после обследования места падения самолета саперами, так как в самолете может быть неиспользованный запас бомб и реактивных снарядов, которые крепились под плоскостями. Самостоятельно раскапывать можно только истребители.

Галина Владиславовна сделала паузу, словно оценивая, как мы усваиваем ее наставления, и потом продолжила:

— Должна предупредить, что раскопки самолета — дело тяжелое. Машины уходят в землю на глубину до семи метров. Помощь в установлении фамилии летчика могут сыграть номер личного оружия, номер мотора, номера шасси самолета — они вписывались в технический паспорт и в личные документы авиатора...

В полдень в вестибюле Орловского Дома печати собрались парни с массивными рюкзаками. Безостановочно трещал телефон. Уточнялись последние детали второго похода в Бетово. За неделю до этого дня маленькая группа следопытов вылетала на место раскопок, провела теперь уже летнюю проверку грунта. Доложили в штаб: все готово, можно приступать к работе.

В Орле ребятам дали «Беларусь», механизатор Юрий Яшкин, находясь в отпуске, своим ходом пригнал его в Бетово. Остальные участники раскопок: Александр Баев, Юрий Кондрашов, Владимир Борисов, Вадим Бухвостов и Николай Минашкин — вылетели самолетом. Надо заметить, что орловские авиаторы неоднократно помогали ребятам, откликались на все просьбы штаба операции «Самолет». Уже вернувшись домой, следопыты попросили через газету выразить благодарность летчикам мирного неба за их помощь поисковой группе.

На следующий день в Бетово прилетела Г. В. Малюченко. Чтобы не терять времени на дорогу до ближайшего жилья, палатки поставили рядом с ямой. Опережая деревенских петухов, будили

сонную тишину рокотом моторов. Работали до темноты, отказываясь от обеда.

На краю ямы росла гора обломков самолета. Среди них попадались куски металла с различными номерами. Но ребята знали — этого явно недостаточно для того, чтобы установить имя летчика.

Ковш подцепил какой-то массивный, залепленный грязью предмет, перенес его на сухое место. Все взгляды тут же устремились к новой находке. Ребята начали руками разгребать землю и застыли в изумлении. Планшет. Кому принадлежал он?

Догадки отложили «на потом». Не давая воде заполнить яму, вновь углубились в зыбкую почву.

Пистолет, нож, пулеметы, планшет, останки пилота, куски мотора, парашют (удивительно хорошо сохранившийся) — все это быстро извлекли на поверхность. В планшете нашли медицинскую книжку. Но чернила размыты, невозможно прочитать фамилию летчика.

— Где-то в этом районе погибла Антонина Лебедева, — слышался неуверенный голос Галины Владиславовны.

Останки летчика ребята бережно собрали, укрыли парашютом и перенесли в дом учительницы В. И. Гришиной.

Найденные документы отдали на экспертизу. Полетели запросы в управление кадров ВВС, к бывшим командирам 1-го гвардейского авиакорпуса, который воевал на севере Орловщины. Позвонили в Мценск полковнику запаса В. В. Изотову, бывшему комсору одного из полков прославленного авиакорпуса. Он сразу же подтвердил: да, где-то в этом районе погибла Антонина Лебедева. Служила она в 65-м гвардейском истребительном авиаполку 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса в звании младшего лейтенанта. Была награждена медалью «За отвагу». И было ей в ту пору чуть больше двадцати пяти лет. Лебедева не вернулась с задания 17 июля 1943 года.

В рассказе Изотова было упомянуто имя Клавды Блиновой. Она также служила в 65-м МАП, дружила с Тоней. Слушая рассказ, делаем для себя пометку: найти ее адрес.

— Приходите, нам удалось расшифровать записи в документах, найденных при раскопках, — вскоре позвонили нам орловские криминалисты и очень взволновали нас, участников поиска, таким телефонным звонком. Без промедления спешим в управление внутренних дел. И вот на специальном экране вырисовываются буквы. Сердце готово вырваться из груди, когда появляется надпись: «Медицинская книжка... мл. лейтенанта Лебедевой А. В.».

Тут же отправляем послание в Москву, бывшему командиру 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генерал-лейтенанту в отставке Е. М. Белецкому. Узнав о результатах раскопок, он высказал желание приехать в Орел.

В газете «Орловский комсомолец» появился материал о церемонии захоронения останков пилота Антонины Лебедевой. Привожу его:

«А на небе ни облачка. Огромная бездонная синева купается в веселых глазах. И тишина вокруг такая, что словно и нет рядом никакой войны, что дурманящий запах разнотравья, а не обгоревшего металла — неотъемлемая часть полевого аэродрома...

Она смотрела на небо и улыбалась чему-то своему, сокровенному. Мечтала, как все девчонки, о будущем, о большой, чистой

любви. Это ведь там, в вышине, они забывали о принадлежности к слабому полу. Руки крепко сжимали штурвал и гашетку, а глаза сужались от ненависти к врагу. Здесь же, на земле, они становились обыкновенными девушками, для которых чисто женские проблемы существовали в той же степени, что и в мирное время.

Сигнал «на вылет» застал ее с ромашкой в руке. Так и взобралась в кабину самолета, машинально покусывая стебель бело-снежного цветка. Приветливо помахала рукой механику. Тот показал оттопыренный большой палец руки, дескать, погода отличная, скоро вернетесь.

Четверка Яков взмыла в синеву июльского неба.

...В назначенное время звено истребителей на базу не вернулось. Вместе с Героем Советского Союза Г. Гуськовым и его двумя товарищами-парнями не вернулась и Антонина Лебедева.

Полковой писарь аккуратно вывел чернилами на официальном бланке: «Пропали без вести».

Плачет старушка, вспомнившая войну. Краснеют глаза и у молодой женщины, чье рождение ознаменовано салютом Победы. С трудом сдерживает слезы мужчина — ветеран Великой Отечественной.

Над братской могилой в совхозе «Вязовский» Болховского района гремит прощальный салют. Десятки местных жителей наблюдают торжественно-траурную церемонию захоронения останков гвардии младшего лейтенанта Антонины Лебедевой. Вместе с партийными, советскими, комсомольскими работниками района на церемонии присутствуют однополчане А. Лебедевой. Прибыл из Москвы и бывший командир 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса генерал-лейтенант Е. М. Белецкий.

Урна с прахом опускается в нишу, над которой скромный обелиск, выполненный из бронеспинки самолета А. Лебедевой.

Вновь и вновь перечитываю историческую справку: «Тогда только (с 10 по 24 июля 1943 года) пилоты 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса сбили в воздушных боях 494 самолета противника, но и с нашей стороны потери составили 112 самолетов. Среди погибших Герои Советского Союза Александр Мошин, Петр Вострухин, Гавриил Гуськов, Николай Алексеев, пилоты Сергей Пленкин, Антонина Лебедева и другие...»

39 лет считалась не вернувшейся с задания Антонина Лебедева. В ее планшете была найдена записная книжка, в которой удалось обнаружить тезисы, по-видимому, приготовленные для выступления на комсомольском собрании. Как секретарь парторганизации эскадрильи она готовилась выступить перед молодыми летчиками, горячим словом воодушевить их на подвиг. Не успела, не вернулась, не сказала речь. И однополчане как один проголосовали на собрании: «Отомстим за смерть Тони Лебедевой!» Они выполнили эту клятву, очистив орловское небо от фашистских стервятников...

На обелиске — фотография отважной летчицы. Большие, открытые глаза, добрая, чуть застенчивая улыбка. Снимок этот сделан незадолго до гибели Тони. Такой она и осталась в памяти командиров и бойцов авиакорпуса. Такой ее будут помнить и жители совхоза «Вязовский».

Прогредел над могилой прощальный салют, и откуда-то из поднебесья подал «голос» реактивный самолет. Пилот мирного

неба по-своему салютовал подвигу одного из воздушных труженников войны, не вернувшегося с задания 39 лет назад.

Летчик, не вернувшийся с задания... В бессчетный раз, ведя поиск, мы повторяем эту фразу. И не боимся повториться, так как главная задача операции «Самолет» состоит именно в том, чтобы установить фамилию летчика, считавшегося до сих пор без вести пропавшим, вписать его имя в летопись Великой Отечественной войны.

Пока мы не нашли родственников Антонины Лебедевой и места жительства ее подруги — Клары Блиновой. Но верим, что наступит день, когда приедут они на могилу Тони и положат к подножию обелиска белоснежные ромашки. Такие же, как и 39 лет назад брала с собой в полет Антонина Лебедева». Такими словами заканчивалась статья в газете «Орловский комсомолец».

Казалось бы, поиск был завершен. Установлено имя, сооружен обелиск. Но мы ничего не знали о жизни этой отважной девушки. Поэтому договорились с Г. В. Малюченко: я поеду в Киев на встречу с Клавдией Михайловной Блиновой (теперь по мужу — Кудленко), а Галина Владиславовна направится в Москву на поиск родственников Тони Лебедевой.

И вот я в Киеве.

— Григорий Данилович Кудленко, — представляется сухощавый энергичный мужчина, встретив меня в дверях. — Проходите, пожалуйста. Клавдия Михайловна будет только вечером, она на партсобрании. А вы... насчет Тони Лебедевой? Да, как давно это было. Она ведь у меня в эскадрилье служила...

Редко когда выпадет такая удача. Ехали к подруге погибшей летчицы, а заодно встретили и ее бывшего командира. И вот уже на столе кипа бумаг, альбомы с фотографиями, книги воспоминаний. Для того чтобы восстановить картину событий сорокалетней давности, чтобы больше узнать о мужестве воздушных бойцов, нам важно все: каждое слово, любые подробности и детали. Найдя место гибели Антонины Лебедевой, мы еще не теряем надежды разыскать ее родственников, которые до сих пор ничего не знают о судьбе своей дочери, сестры. А восстановить истину необходимо еще и потому, что вскоре после ее гибели произошло событие, наложившее темный отпечаток на последние страницы биографии девушки.

Дело вот в чем. Адъютант эскадрильи Е. И. Пестряков написал письмо отцу Тони Лебедевой. Привожу его дословно:

«Здравствуйте, Василий Павлович! Получил ваше письмо. На вашу просьбу я сейчас ничего точно ответить не могу, а что было раньше известно о Тоне, то напишу.

После освобождения г. Орла мне было известно, что Тоня находилась в госпитале и после эвакуации ее увезли немцы. Работники этого госпиталя рассказывали, что, когда ее допрашивали немецкие офицеры, она себя вела как большевик и патриот Родины. И когда они ей сказали: «Мы все равно победим», — она им плюнула в лицо. После этого нам ничего о ней не известно. Все наши боевые товарищи не забыли о Тоне и никогда не забудут, ведь она была исключительно смелая, храбрая и инициативная в бою, на своем счету имела три сбитых самолета противника. Память о Тоне чтим в своих сердцах».

Пока непонятно, как родилась эта легенда о пленении летчицы. Г. Д. Кудленко объяснить не смог по той простой причине, что во время боев на Орловско-Курской дуге находился в госпитале. Жив ли и где живет бывший адъютант эскадрильи, он тоже не знает. А хотелось бы спросить Е. И. Пестрякова, что руководило им при написании письма: желание каким-то образом оправдать страшную фразу пропала «без вести» или стремление хоть как-то успокоить отца, еще раз подчеркнуть, что он воспитал настоящего патриота своей Родины.

Нам остается гадать над этим письмом и надеяться на встречу с его автором, который, возможно, и не подозревал, какой вред принесет им придуманный факт. Помню, еще во время первого разговора с Клавдией Михайловной по телефону услышал грустную фразу: «Спасибо, что нашли Тоню. А то даже как-то неловко получается. Обо мне и в книгах пишут, и говорят, а о ней ни слова. Вроде как и не было Лебедевой-пилота. А все из-за того, что никто из их звена не вернулся с задания, а потом слух распустили, якобы жива сна...»

На церемонии перезахоронения останков пилота в Болховском районе я, помню, разговаривал с генерал-лейтенантом Е. М. Белецким. Он сказал: «Я всегда был уверен, что Тоня героически погибла, а не спаслась в том бою. Однако всевозможные разговоры, сплетни, увы, оказались живучими. А у нас не было контрдоказательств. Так и считали до этого года, что Лебедева пропала без вести, хотя теплилась надежда, что это не так».

Антонина Лебедева училась покорять небо в Тушинском аэроклубе. А вот москвичка Клава Блинова уехала постигать летную науку в Херсон. При распределении попросилась в Улан-Удэ (почему-то захотелось побывать в Сибири), но заболела и вновь оказалась в Москве. Тут началась война. Их, молоденьких выпускниц авиашкол, собирала прославленная Марина Раскова. Обороняли небо Саратова, осваивали самолет Як-1, потом Як-7б.

В 1942 году их отправили под Сталинград.

Они были озорные и дерзкие — две подруги из Москвы. Всё жаловались, что им не дают воевать, придерживают, поручают незначительные задания. В один прекрасный день, находясь в увольнении, зашли в инспекцию ВВС и пожаловались, что им не дают возможности проявить себя, «развернуться на всю катушку».

— Что ж, вижу, девчата вы боевые, — улыбнулся незнакомый генерал. — Я как раз формирую истребительную авиадивизию, так что попробую и вас включить...

Лебедева и Блинова попали в 65-й полк 1-го авиакорпуса. Они были рады такому повороту событий, но вскоре оказалось, что воевать в небе наравне с мужчинами не так-то просто. Вот как вспоминает один эпизод Клавдия Михайловна:

— Я долго не могла научиться поражать врага. Не было опыта. Но меня не ругали, а, наоборот, хвалили. Однажды командир эскадрильи капитан Кудленко во время отдыха в землянке заметил: «Хороший летчик-истребитель тот, кто ищет боя, а не ждет, пока ему навяжут поединок». Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Показалось, что эти слова адресованы мне. — Помолчав, Клавдия Михайловна продолжила свой рассказ: — 4 августа 1943 года на втором вылете во время боя вдруг в кабине раздался страшный треск, и мой самолет стал разваливаться на куски. Я вместе с кабиной беспорядочно падала, зажав

в руке бесполезную теперь ручку управления. До сознания дошло: сбили! Но, как ни странно, страха не было. Мысль работала отчетливо. Я отстегнула шнур шлемофона и ремни парашюта. С силой меня выбросило из кабины. Дернула кольцо парашюта и сразу же повисла в воздухе. После сильного треска и шума стало необыкновенно тихо. Куда опускаюсь? Вспомнила разговор, когда летчики рассуждали между собой о том, что сделал бы каждый, если бы пришлось приземлиться на вражеской территории. Один говорил: «Застрелюсь, но не сдамся». Другой: «Если будет возможность, уйду к партизанам». Но все это говорилось в спокойной обстановке, а вот сейчас, когда остается несколько секунд на размышление, — что делать?

Падаю в поле. Смотрю: со всех сторон ко мне бегут гитлеровцы, орут что-то и стреляют. Попыталась бежать, но меня ранили в ногу, и я упала. Схватили, знаки отличия — погоны, медаль «За отвагу» и гвардейский значок — тут же сорвали с меня вместе с кусками материи. Начали избивать, а затем дотащили до дороги и бросили в попутную машину. Доехали до села. Вскоре прибыл генерал посмотреть на девушку-летчика. После допроса втолкнули в чулан и заперли. Утром повезли в жандармерию. Там я встретила нашего летчика-штурмовика, сбитого в тот же день.

Потом нас погрузили в вагоны и повезли. Мы решили бежать. У кого-то из военнопленных нашелся перочинный нож, стали прорезать отверстие в стенке вагона. Через два дня — побег. Прыгали на ходу в темноту. Вчетвером стали пробираться к своим. 25 августа переползли линию фронта, а вскоре я добралась до своего полка.

Потом я получила направление в высшую офицерскую школу в Люберцы. Получив основательную тренировку, вместе с боевыми друзьями участвовала в сражениях за освобождение Прибалтики, Белоруссии. Дошла до Берлина. Награждена орденом Отечественной войны II степени...

...Во второй половине дня 17 июля комполка М. Н. Зворыгин приказал прикрыть наземные войска в районе Хотынец — Знаменское. «Очередную группу поведет Гуськов», — сказал он.

Этот высокий широкоплечий парень с открытым русским лицом, спокойными карими глазами считался одним из лучших летчиков полка. В 1938 году вступил в комсомол. Закончил Качинскую авиашколу. Воевать начал в конце сорок второго. А уже 3 января 1943 года сбил первого «мессера». Через неделю поджег еще один вражеский самолет. В феврале его послали на Северо-Западный фронт. Участвуя в боях за Демянский плацдарм, Гуськов сбил девять самолетов врага. В мае сорок третьего удостоен звания Героя Советского Союза.

Лейтенант Гавриил Гуськов и в небе родной Орловщины (был он уроженцем Урицкого района) успел сбить пять фашистских самолетов. Так что командир полка без колебаний назначил его старшим группы, вылетающей на выполнение очередного задания. Садясь в кабину самолета, Гуськов улыбнулся: «Может быть, удастся на родную деревню с высоты поглядеть?!» Вместе с ним полетели уже достаточно опытная Антонина Лебедева и двое молодых летчиков-комсомольцев В. Г. Пономарев и С. С. Альбинович.

Был такой непреложный закон: молодых в бой посылать не одних, а с ветеранами, чтобы не растерялись, чтобы чувствовали плечо друга и таким образом быстрее овладевали боевым мастерством. Взаимовыручка, чувство товарищества всегда были главным мерилом мужества в нашей армии. И неверно полагать, что истребители занимались только уничтожением самолетов врага. Конечно, вылетали и на «свободную охоту», но в первую очередь выполняли другие, более ответственные задачи по взаимодействию с наземными частями. А в таких операциях успех зависел от слаженности, сплоченности всех звеньев. И приходилось порой отказываться от легкой добычи, чтобы не дать врагу возможности самому найти уязвимое место, напасть на неопытного летчика...

Из воспоминаний бывшего командира эскадрильи, Героя Советского Союза В. Н. Кубарева: «В районе патрулирования группу Гуськова атаквали 12 «фоккеров». Через несколько минут фашисты получили подкрепление. Четверо наших соколов бились против 30 самолетов врага, эшелонированных по высоте. Оставалось одно — драться до полной выработки горючего и расхода боеприпасов. В неравном бою погибли комсомольцы Пономарев, Альбинович, парторг эскадрильи Лебедева и Герой Советского Союза Гуськов».

Место гибели Гуськова была установлено лет 15 назад.

А теперь вот найдено место падения самолета Лебедевой.

Еще раз просматриваем воспоминания В. Н. Кубарева. Но что это? «Тяжелый бой выдержал 17 июля 1943 года в орловском небе Павлов. Он единственный из группы Гуськова остался тогда в живых. В этом бою Павлов сбил два фашистских самолета. Он видел мужество и отвагу своих товарищей, сражавшихся с 30 вражескими стервятниками».

И тут же летит письмо в Ленинград, где сейчас живет бывший летчик прославленного авиаполка, а ныне генерал-полковник авиации В. Н. Кубарев. Мы будем с нетерпением ждать от него ответа, который, безусловно, высветит все детали последнего боя Антонины Лебедевой. Ведь до сих пор ни о каком Павлове мы не знали. Значит... Да, наш поиск продолжается, на многие вопросы еще не получены исчерпывающие ответы. Но установлено главное — Антонина Лебедева не пропала без вести, а героически погибла со своими товарищами. И имя ее по праву увековечено на обелиске в совхозе «Вязовский» Болховского района.

Родных Антонины Лебедевой мы отыскивали несколько неожиданно. Наш коллега, журналист Валерий Евтушенко, 14 августа 1982 года опубликовал в газете «Труд» заметку о поиске и раскопках в деревне Бетово Болховского района.

Мария Васильевна Жулева, младшая сестра Антонины Лебедевой, так рассказала об этом:

— На следующий день после выхода в свет того номера «Труда» нам позвонили друзья, и вскоре я уже сама читала сообщение о раскопках места гибели сестры, 39 лет считавшейся «не вернувшейся с задания». Товарищи из Советского комитета ветеранов войны, куда я обратилась, дали телефон Белецкого...

Через несколько дней в Орел пришло письмо от Евгения Михайловича Белецкого с адресом и телефоном Жулевых. Малюченко тут же позвонила Марии Васильевне и договорилась о встрече.

С нетерпением мы ожидали возвращения Малюченко из Москвы. Вот что рассказала она сразу же по приезде в Орел:

— И вот наконец я вижу перед собой энергичную, очень похожую на сестру Марию Васильевну! Не буду пересказывать наш сумбурный разговор, в котором слезы мешались со словами. Оказалось, что у Марии Васильевны еще жива мать — ей 91 год, брат — инвалид Великой Отечественной войны... Расскажу о том, что я узнала о Тоне Лебедевой и ее такой недолгой, но яркой жизни.

Родилась Тоня в семье рабочего, профессионального революционера, члена партии с 1904 года Василия Павловича Лебедева в марте 1916 года на станции Бакунино Калининской области. В начале 20-х годов семья Лебедевых — мать, три сестры и брат — переезжает в Москву, где работает отец. Тоня с сестрой учатся в 34-й средней школе Хамовнического района, а затем на рабфаке. В 1937 году она поступает на заочное отделение биологического факультета МГУ и одновременно работает секретарем экстерната заочного сектора университета.

Передо мной фотографии — вот среди одноклассников, выглядывая из-за спины подруги, внимательно смотрит на нас юная Тоня; вот она среди товарищей по аэроклубу, она же в костюме гимнастки. И на всех фотографиях ее милое лицо украшает улыбка.

Середина тридцатых годов. Стране нужны летные кадры, тогда и прозвучал призыв ЦК ВЛКСМ: «Комсомол — на самолет!»

У меня в руках многотиражная газета МГУ от 4 июня 1936 года. Вся она посвящена учлетам Московского университета. В левом углу фотография — две улыбающиеся, нет, просто сияющие девушки в летных шлемах и комбинезонах — это учлеты Цюрупа и Лебедева. Они только что стали курсантами Дзержинского аэроклуба Москвы. Прошло два года, и в газете МГУ «Московский университет» за 23 февраля 1938 года снова фотография Тони, улыбающейся, как и всегда, а под фотографией подпись: «Тов. Лебедева А. окончила школу пилотов без отрыва от производства». Чуть ниже стихи А. Н. Воейкова, где есть такие строки:

Я летчик, я девушка-летчик,
Сбылась золотая мечта.
Летать! Среди дня, среди ночи,
Пространство, как книгу, листать...

Так в 21 год Тоня Лебедева стала летчиком-инструктором.

Вчитываюсь в характеристики и отзывы, данные Антонине Васильевне. Вот отзыв общего комсомольского собрания МГУ и ходатайство перед райкомом ВЛКСМ о даче рекомендации для приема Лебедевой в кандидаты ВКП(б). Сквозь сухие строчки официальных характеристик и рекомендаций видишь энергичную, увлеченную комсомольской работой и летной профессией девушку.

В 1938 году Антонина Васильевна Лебедева — инструктор Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова, а перед самой войной ей присваивается звание старшего сержанта.

Октябрь 1941 года. Фашистские орды рвутся к Москве. В эти дни Тоня уходит добровольцем в авиаполк, сформированный Героем Советского Союза Мариной Расковой. При Энгельсской школе пилотов Лебедева проходит переподготовку — учится летать на

новых истребителях Як-1, и 10 сентября 1942 года 1-я авиационная эскадрилья 586-го ИАП вылетает на фронт под Сталинград — это девушки Лебедева, Блинова, Нечаева и Шахова. Затем 65-й гвардейский истребительный авиаполк 1-го гвардейского авиакорпуса, бои под Орлом, где парторг эскадрильи Антонина Васильевна Лебедева пала смертью героя.

39 лет родные Тони не могли смириться с сухой строчкой извещения: «Ваша дочь, младший лейтенант Лебедева Антонина Васильевна, уроженка Калининской области, ст. Бакунино, в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив героизм и мужество, 17 июля 1943 года не вернулась с боевого задания. Командир части майор Морковин». И родные Тони, и ее фронтовые друзья все эти годы пытались узнать о ее судьбе.

39 лет неизвестности. Отец Тони умер в 1966 году. Когда ее сестра Мария Васильевна рассказала своей маме о том, что найдено место гибели Антонины, старушка долго молчала и только на следующий день сказала дочке: «Как могли фашисты загнать Тоню в болото, разве они не видели, что за рулем самолета девочка?» Да, для матери ее дочь всегда была девочка, не солдат, не боевой летчик, а беззащитное, хрупкое существо...

Долгое время в московской квартире Тони стояла запроваженная кровать. Она стояла не просто как память о дочери и сестре. Родные не хотели верить в жгучие слова похоронки: не вернулась... Жила в материнском сердце надежда...

Приехав в Орел, Мария Васильевна Жулева, с трудом сдерживая слезы в покрасневших глазах, сказала следопытам:

— Спасибо вам, дети мои, за благородное дело. Счастливы ваши матери, у которых растут такие замечательные ребята... Вы сняли нам камень с души. И пусть Тони нет в живых, но вы сделали великое дело — восстановили ее доброе имя. Материнский вам поклон. — И заплакала, прижимая к груди фотографию своей сестры.

Оказывается, есть худшее, чем смерть, — неизвестность. И есть более значительное — бессмертие. Потому, что уходим мы, но остаются наши дела, остается память. Советским людям, воспитанным на традициях героического прошлого, далеко не безразлично, что о нас скажут дети, внуки...

И вновь штаб операции «Самолет» погрузился в заботы. Новая точка на карте области звала экспедицию в путь. Мы двинулись по новым адресам предполагаемых мест гибели в годы войны советских самолетов.

В год 40-летия освобождения Орла от немецко-фашистских захватчиков группа Николая Минашкина, не дожидаясь лета, отправилась в Урицкий район. Поиск родился в результате изучения военной хроники. Особенно заинтересовало ребят сообщение о том, что «4 августа 1943 года группа из восьми Як-1 65-го гвардейского истребительного авиаполка (ИАП) под командованием гвардии капитана А. И. Самохвалова сопровождала штурмовиков, наносивших удар по отступающим частям противника в районе Орел — Нарышкино».

Вчитываясь в строки военной сводки, чувствовали, как растет желание глубже проникнуть в детали того далекого августовского дня. Интуиция подсказывала: этот эпизод войны может натолкнуть на интересный поиск.

И вот уже составлена картина боя. Опытные следопыты скру-

пулезно изучили уже известные детали. А они рассказывали о следующем.

Группа встретила 14 самолетов врага (ФВ-190), эшелонированных по высоте. Одна наша четверка шла на высоте 1500 метров, другая — на высоте 3000 метров. Немецкие истребители предприняли попытку атаковать штурмовиков. Тогда Самохвалов дал команду четверке самолетов гвардии старшего лейтенанта Н. Ковенцова связать боем противника, а своей четверкой прикрыв штурмовиков.

Самохвалов понимал, что перед Ковенцовым и его летчиками поставлена сложная боевая задача, но иного выбора не было. Штурмовики во что бы то ни стало должны были достичь цели.

Завязался тяжелый воздушный бой. Четверка Ковенцова старалась втянуть в огненную карусель все истребители противника, отвести их в сторону. В этой схватке гвардии лейтенанту Сычеву удалось сбить один ФВ-190, но и фашисты сумели расколоть наше звено.

Слишком неравны оказались силы. Вот загорелся самолет Ковенцова, затем были сбиты У. Доев и К. Блинова (подруга Тони Лебедевой; и этот факт нас еще больше заинтересовал). Спустя месяц Клава Блинова вернулась в родную часть и рассказала, как чудом осталась жива, поведала о подробностях того боя, в котором ценой больших потерь истребители все же обеспечили штурмовикам выполнение боевой задачи.

По воспоминаниям однополчан, очевидцев было предположительно установлено, что самолет гвардии младшего лейтенанта дагестанца У. Доева упал в районе поселка Нарышкино. Группа «Поиск» заинтересовалась этим местом. Выехали для ознакомления с характером грунта, провели опрос населения.

Лесной пруд — яма метров пятнадцать в диаметре, заполненная водой. Глубина до трех метров — это мы выяснили во время второго выезда.

Благодаря обкому ДОСААФ нас быстро доставили к месту раскопок. Вначале решили откачать воду, чтобы исследовать дно. Обратились за помощью к учащимся 2-й средней школы поселка Нарышкино. Директор школы З. П. Парамонова и военрук В. Ф. Дранников сразу же собрали старшеклассников. Их возглавил преподаватель физического воспитания В. И. Петунов.

За четыре часа работы вычерпали примерно 1200 ведер воды. Но до дна было еще далеко.

Обратились к заместителю начальника пожарной охраны УВМ А. И. Суханову. Он нас очень внимательно выслушал и обещал в следующий выходной помочь техникой. Когда наступят настоящие морозы, попробуем долбить мерзлый грунт, как это делали в прошлом году в деревне Бетово Болховского района. Ребята заявили: «Знаем, будет нелегко. Но долг памяти заставляет преодолевать любые трудности, доказывать, что комсомольцы восьмидесятых способны на серьезные дела...»

Операция «Самолет» продолжается. Мы уверены, что в ближайшее время на земле Орловской области появятся новые мемориалы и памятники, а может быть, и просто скромныеobelisks, рассказывающие о неизвестных до недавних пор именах героев. И вместо «Не вернувшийся с задания» в документах истории будет написано: «Без вести пропавшим не считать».